Автор: **Евгения Александровна Горенко**
По образованию " физик, в настоящее время работает журналистом. В соционике известна благодаря своей книге (в соавторстве с В.Толстиковым) и ряду публикаций (некоторые " в соавторстве с сестрой).
Социотип: ЛИИ ("Робеспьер").
Эл. адрес: gea@itec.com.ua
Сайт: http://ncuxo.narod.ru

1. Интроверсия-экстраверсия.

К признакам экстраверсии обычно относят способности к общительности, к легкости в общении с людьми, широкий круг знакомств (хотя это, в принципе, может быть свойственно, ещё и ”этичным” ТИМам). Кроме того, с экстраверсией обычно соотносят экспрессивность, экспансивость, широту размаха, бóльшую жизнь во ”внешнем” мире.

Что известно о Максиме Горьком? У него был огромный круг знакомых, он легко общался с людьми, легко заслуживал их любовь и привязанность. Вместе с тем, в общении с людьми официальным встречам он явно предпочитал неформализованное общение — немногочисленные беседы-чаепития, разговоры по душам и т.п. (Воспоминания Бродского: Широкая популярность Горького порой была ему в тягость… [1, 273]). Многие современники отмечали, что Г. не любил выступлений с трибуны и т.п.

П. Максимов: Мировая слава нисколько не испортила его: он, книги которого читают во всех странах мира, видимо, чувствовал себя на трибуне неловко, был явно смущен [1, 321].

В воспоминаниях современников можно найти свидетельства того, что Г. при всей своей любви к общению не легко и не быстро сходился с незнакомыми людьми.

Ф. Хитрованский: За столом интимный кружок, три-четыре человека. На широком кожаном диване Алексей Максимович в своей любимой позе: длинные ноги, с которыми он забрался на диван, охвачены обеими руками, подбородок четь ли не касается согнутых коленок.

Тон его рассказа однообразный, отчасти тягучий, картины описания — яркие и жизненные.

Сидим как завороженные…

Но стоило только в этом обществе появиться случайному, мало знакомому человеку, Алексей Максимович резко менялся: он смолкал и отвечал короткими, односложными фразами. Воодушевление как бы отлетало, и перед новым посетителем сидел нахохленный, суровый человек. [1].

В творчестве он был сторонником сдержанности, бережливости к своим силам, о чем неоднократно советовал начинающим писателям. Цитата в его письме П. Максимову: ”…Относитесь к себе бережливее. Экспансивность — хороша, сдержанность тоже имеет свою цену” [1, 319] М. Андреева вспоминала:

А.М. восхищался им (Маяковским), хотя беспокоила его немножко, если можно так выразиться, зычность поэзии В.В. Помнится, как-то он даже ему сказал: ”Посмотрите, — вышли вы на заре и сразу заорали что есть силы-мочи. А хватит ли вас, день-то велик, времени много?" [1, 286].

Голос у него был негромкий, глуховатый.

На основании этого я предполагаю, что Горький принадлежал к интровертному типу.

2. Логика " этика.

Чисто крик души: блин, я не понимаю, как удалось увидеть у Горького хоть какую-нибудь логику???? Не мудрствуя лукаво, ограничусь только цитатами.

Логика:

Маршак: Для А.М. не было малых дел [1, 422]

В. Рождественский: Для памяти Г. как бы не было существенного и несущественного, главного и второстепенного [1, 325].

Ходасевич: Каждой научной статье он верил свято [2].

Ходасевич: …в последнем случае происходило, собственно, шлепанье картами, потому что об игре Горький не имел и не мог иметь никакого понятия: он был начисто лишен комбинаторских способностей и карточной памяти. Беря или чаще отдавая тринадцатую взятку, он иногда угрюмо и робко спрашивал:

— Позвольте, а что были козыри? [2]

Слова одного из героев М. Горького, Клима Самгина:

«Уважаю в людях то, что сам у себя не могу развить в достаточной степени — умение сгущать мысли»

Напоследок: "структурная логика" не находилась у Г. в числе вытесненных функций.

К. Тренев: Стремление к простоте, к сжатости… Г. считал обязательной предпосылкой удачной работы [1, 380].

Этика:

И. Шкапа. Слушали мы Колоколова и удивлялись как резкости его выражений, так и терпимости Горького. На самые острые слова Горький отвечал или улыбкой, или покашливанием [3].

Бродский: Украинские народные мелодии, песни о тяжкой народной доле… сильно волновали А.М. и мы видели, как он не раз украдкой вытирал слезу. Иногда наши роли менялись: Г. читал нам что-нибудь вслух, а мы слушали и наслаждались его замечательным по теплоте и чувству чтением. [1, 269]

Письмо Бродскому ”…Сколько раз на протяжении лета я сожалел о том, что Вас не на Капри, и как порою это было грустно..." [1, 276]

Бродский: Каждое письмо его ко мне было полно дружеских забот, теплоты и бодрости. [1, 277]

О. Матюшкина: Меня поразили тревога и сочувствие в его голосе. [1, 295]

Бродский: Картина давалась мне с трудом… А.М. часто приходил ко мне в мастерскую, трогательно успокаивал меня… [1, 274]

И. Шкапа: Он ставил вопрос в упор, но делал это мягко, дружелюбно, говоря с молодыми как равный с равными. Вся манера поведения нашего редактора подкупала собеседников [3].

Десницкий: В отношении же к личной жизни своих друзей Алексей Михайлович был внимателен и деликатен, как любящая нежная женщина [1]

М. Горький, ”Рождение человека”: И вот — на руках у меня человек — красный. Хоть и сквозь слезы, но я вижу — он весь красный и уже недоволен миром, барахтается, буянит и густо орет, хотя ещё связан с матерью… такой скользкий — того и гляди, уплывет из моих рук, я стою на коленях, смотрю на него, хохочу — очень рад видеть его! И — забыл, что надобно делать…

Работал Г. очень много, часов по 10-12 в сутки, но при встречах с людьми предпочитал дружеское общение, а не деловые разговоры.

И. Шкапа: Екатерина Павловна, жена Алексея Максимовича, принесла чай. Беседа продолжалась. И что меня удивило: о журнале, о том, как его вести, почти не было сказано ни одного слова. Когда я попытался заговорить о делах, Алексей Максимович остановил:

— О делах " потом. Теперь будем встречаться, успеем обсудить каждый номер. Не уйдет сие!

…Мы не замечали времени, находясь во власти его глуховатого баса. Он это чувствовал и, видимо, был удовлетворен вниманием…

… Выйдя из подъезда, я взглянул на часы — беседа продолжалась свыше четырёх часов. [3]

Практически все воспоминания о Горьком полны отзывами о его теплоте, ласковости, нежности, трепетности и жизнелюбии, сердечности и душевности, восторженности и чувствительности…. Вот первые впечатления разных людей от Горького: ”Взволнованный, с горячими, влажными от слез глазами…” ”Тихий, ласковый голос

писателя, его печальные глаза… ”Голос у него был глухой, но ободряющий”, ”Меня поразили тревога и сочувствие в его голосе”. Самые разные люди пользуются для описания своего впечатления от общения с Горьким высокоэмоционально заряженными словами и выражениями. В числе тех эмоций, которыми Г. мастерски владел, находятся растерянность, смущение, ласковость, виноватость, суровость, холодность, пленительность, доверчивость, демонстрация удовлетворённости, восторженность и так далее, и тому подобное… ОЧЕНЬ много. Эмоциональная сфера у Г. была ЯВНО не запущена.

Вкупе с вышеприведенными свидетельствами о некоторых проблемах с логическими способностями я делаю вывод о принадлежности Г. к ”этическому” типу, и в частности " к ”черноэтическому”

3. Сенсорика " интуиция.

Упоминаний о сенсорности Г. множество как в его работах, так и в описаниях знавших его людей. Однако вся эта сенсорность носит явно ”комфортный” оттенок. П. Максимов писал о женственных руках Горького. Упоминали его любовь к ”удобно устраиваться на диванчиках”. Тем не мене, мне приходилось встречать противоречивые свидетельства и того, что на рабочем столе у Г. был беспорядок, и того, что его кабинет имел очень спартанский вид, и того, что он имел склонность к роскошным писательским принадлежностям.

Обратимся к самому Горькому. Его творческая манера несомненно сенсорна, богата сенсорными образами: ”любовно чуткая тишина; тоскливое одноцветье; морозный воздух сухо и крепко обнял тело; этот внимательный глаз уколол ее; грубая ругань зло рвала воздух; блестя голодными зубами; белая стружка, шурша, бежит на берег, гонимая ветром, влажным, теплым и пахучим, как дыхание здоровой женщины; завод тошнило пережеванными людьми, черным потоком они изливались на улицу; белый, мохнатый ветер; снег, посоленный копотью” (кроме того, сенсорика у него практически всегда носит эмоциональный оттенок — небогатый по ассортименту: либо это тоска, скука уныние, — либо радостная эйфория и некий энтузиазм. Однако это, думается мне, имеет иные, не соционические корни).

К числу тех моментов, которые могут свидетельствовать о черносенсорности Г. относятся его знаменитое выражение ”Если враг не сдается — его уничтожают”. Его

кровожадность по отношению ко многим героям (он любил ”убивать” своих героев; описывая некоторые реальные случаи из своей жизни, в своих рассказах он ”убивал” тех своих знакомых, некоторые из которых на самом деле пережили своего ”убивцу”) носит, на мой взгляд, опять-таки не соционическую подоплеку. Кое-что, например, гораздо проще объясняется обыкновенным неврозом.

Что касается интуиции, то и его произведения, и воспоминания о нем полны его огромною любовью к некоторым проявлениям ”черноинтуитивности”. Приведу несколько примеров:

Бродский: Оторванный от родины, в изгнании,… А.М. особенно загорался, говоря о своей стране, о её людях, о её талантах. Каждого, кто был талантлив, он в восхищении приветствовал, всячески помогал и помнил о нам. У многих из нас А.М. пробудил глубоко заложенные творческие силы, окрылил дружеским одобрением и заставил упорно работать. Некоторым моим товарищам по Академии он оказывал материальную помощь. [1, 275]

П. Максимов: Мне думается, никто в мире так не желал, чтоб люди обогащались знаниями и культурой, как этого желал М.Г., и никто не радовался этому так, как радовался он. [1, 314]

Письмо Горького П. Максимову: ”…Очень взволнован Вашим сообщением и жду рукопись нетерпеливо: в таких случаях я всегда чувствую себя девицей, у которой любимая подруга впервые родила, а мне, девице, это и страшно, и любопытно, и свято-завидно…” [1, 315]

К. Тренев: Но, предлагая советы и указания, главное условие успеха Г. видел в самостоятельности автора, в его внутренней независимости. Он учил искать свое, индивидуальное и оберегать эту драгоценную первооснову. … Дорожа самобытностью молодого автора, А.М. Горький желал ей свободного и полного выявления. Помогая, он ничего не навязывал и — больше того — как бы боялся подчинить личность начинающего своему влиянию. Он относился к дарованию писателя так бережно, так любовно, словно имел дело с хрупким и сложным инструментом, способным пострадать от неосторожного прикосновения. [1, 381]

Ходасевич: Он любил всех людей творческого склада, всех, кто вносит или только мечтает внести в мир нечто новое. Содержание и качество этой новизны имели в его глазах значение второстепенное. Его воображение равно волновали и поэты, и ученые, и всякие прожектеры, и изобретатели — вплоть до изобретателей перпетуум-мобиле. Сюда же примыкала его живая, как-то очень задорно и весело окрашенная любовь к людям, нарушающим или стремящимся нарушить заведенный в мире порядок. Диапазон это любви, пожалуй, был ещё шире: он простирался от мнимых нарушителей естественного хода вещей, то есть фокусников и шулеров — до глубочайших социальных преобразователей. Я совсем не хочу сказать, что ярмарочный гаер и великий революционер имели в его глазах одну цену. Но для меня несомненно, что, различно относясь к ним умом, любил-то он и того, и другого одним и тем же участком своей души… [2].

И. Шкапа: На исходе третьего часа публичного выступления Горький заметно устал, на лице проступили капельки пота. Перед уходом, стоя за столом, он обратился ко всем с проникновенным словом.

— Я — человекопоклонник, милые мои товарищи! — заговорил он необычайно тихо.

— Я готов сложить молитву ему — строителю, творцу нового мира, чудодею… Профессор Опель в Ленинграде оживил человека после смерти через тринадцать минут, а в Италии описан случай «воскресения» через семнадцать минут после смерти. Чудеса людские сильнее божеских…

… Его последние слова были:

— Вообще, я думаю, нигде нельзя так легко и продуктивно работать, с таким подъёмом, как здесь у нас, в Советской России. И единственно, чего хочется, — это заразиться великим смыслом, великим его содержанием. Это как раз и есть то, что освобождает человека. [3].

Ходасевич: Этому «великому реалисту» поистине нравилось только все то, что украшает действительность, от неё уводит, или с ней не считается, или просто к ней прибавляет то, чего в ней нет. Я видел немало писателей, которые гордились тем, что Горький

плакал, слушая их произведения. Гордиться особенно нечем, потому что я, кажется, не помню, над чем он не плакал, — разумеется, кроме совершенной какой-нибудь чепухи. Нередко случалось, что, разобравшись в оплаканном, он сам же его и бранил, но первая реакция почти всегда была — слезы. Его потрясало и умиляло не качество читаемого, а самая наличность творчества, тот факт, что вот — написано, создано, вымышлено…[2].

Горький, ”Однажды осенью”: Я всегда ценил хорошие идеи и всегда старался пользоваться ими по мере возможности

Итак, можно сделать вывод о несомненной тяге Горького к ”черноинтуитивной информации”.

Выражения ”белоинтуитивности”, на мой взгляд, не столько выпуклы и заметны у него. Упомянуть можно, например, разве что приведенную выше цитату о беседе ”по душам”, которая заставила её участников совершенно забыть о времени.

На этом основании я делаю вывод о принадлежности Горького к белосенсорному типу, что подтверждается его несомненной тягой к черноинтуитивной информации.

Итак, на основании выше изложенного неполного дихотомического разбора я делаю вывод о принадлежности М. Горького к ТИМу СЭИ.

Хочу добавить несколько слов. По моим наблюдениям, ни по одному фактическому свидетельству, даже самому подходящему, некорректно делать точные соционические выводы. По моим убеждениям, все типные проявления в человеке вероятностны. Тем не менее, если в собранном массиве информации заметна некая количественная неравномерность по соционическим признакам, на основании этого уже можно делать более-менее убедительные выводы о соционический принадлежности человека. Ещё более достоверны выводы, подкрепленные не только дихотомическим анализом, но и подкреплением в виде интегральных ТИМных проявлений.

Считается, что одной из ”специализаций” СЭИ в соционе является заботливое

обустройство быта для близких ему людей (обусловленное, в наибольшей степени, типными чертами его дуала). ”Дюмовитость”, ”оДюмашливание Донов” " в этих шутливых выражениях отчётливо видны эти качества СЭИ. Типные стереотипы для СЭИ — ласковая забота, ”заботливая бабушка” и.т.п.

М. Горький проявил себя в этом амплуа более чем достаточно.

К. Тренев: А.М. дал мне умыться. Он лил мне на руки и на голову из кувшина, и эта услуга великого человека тоже была очень забавна [1, 366]. У некоторых людей Горький вызывал ”женственные” ассоциации, говорилось о его ”женской деликатности”, ”женственных руках” и п.т.

Вряд ли кто вел статистику, но по свидетельству многих современников он оказал практическую помощь и поддержку тысячам людей, попавшим в затруднительное положение. Ходасевич писал:

”У него просили заступничества за арестованных, через него добывали пайки, квартиры, одежду, лекарства, жиры, железнодорожные билеты, командировки, табак, писчую бумагу, чернила, вставные зубы для стариков и молоко для новорожденных, — словом, всё, чего нельзя было достать без протекции. Горький выслушивал всех и писал бесчисленные рекомендательные письма. Только однажды я видел, как он отказал человеку в просьбе: это был клоун Дельвари, который непременно хотел, чтобы Горький был крестным отцом его будущего ребёнка”.

Он же писал:

”Круг людей, бывших у него на постоянном иждивении, был очень велик, я думаю — не меньше человек пятнадцати в Росси и за границей”.

Не меньшую заботу он проявлял по отношению к начинающим писателям и поэтам. Его поддержка, его практическая помощь, его вера придали многим из них уверенности в своих творческих силах. Взамен своей (во многом сенсорной) поддержки он по существу

требовал ”черноинтуитивного подкрепления”. Чем-то иным трудно объяснить его огромную любовь к перспективным в плане творчества людям. Ещё одна цитата Ходасевича:

”Он в особенности любил писателей молодых, начинающих: ему нравилась их надежда на будущее, их мечта о славе. Даже совсем плохих, заведомо безнадёжных он не обескураживал: разрушать какие бы то ни было иллюзии он считал кощунством. Главное же — в начинающем писателе (опять-таки — в очень даже мало обещающем) он лелеял собственную мечту и рад был обманывать самого себя вместе с ним. Замечательно, что к писателям, уже установившимся, он относился иначе. Действительно выдающихся он любил, как, например, Бунина (которого понимал), или заставлял себя любить (как, например, Блока, которого, в сущности, не понимал, но значительность которого не мог не чувствовать). Зато авторов, уже вышедших из пеленок, успевших приобрести известное положение, но не ставших вполне замечательными, он скорее недолюбливал. Казалось, он сердился на них за то, что уже нельзя мечтать, как они подымутся, станут замечательными, великими…”

Понятие ”творчество” имело для него некий сакраментальный оттенок, в творчестве он видел чуть ли не высшее предназначение ”идеального” человечества.

Далее, любопытное качество Горького. Он имел склонность отказываться от неприятных для него встреч или поездок своим нездоровьем. Это, мягко говоря, не совсем обычно для ЛСИ, которые, кажется, предпочтут скорее умереть, чем признаться в физической слабости.

Многие знавшие Горького отмечали его глубокий демократизм, его скромность и нелюбовь к официозу.

О. Матюшкина: — А.М., ваше место не здесь, а в центре, среди почетных гостей! — Мне и здесь хорошо. Разрешите остаться с вами. [1, 301]

На трибуне, особенно в первые минуты, он чувствовал менее уверенно и комфортно, чем в частной беседе. Я не нашла ни одного свидетельства о его высокомерном отношении к людям (за исключением маски холодности и высокомерия, которую он иногда одевал при

встречах с незнакомыми людьми), а вот свидетельства о том, что в общении с молодыми писателями он ставил себя ”на равную ногу”, такие " есть.

Практически все свидетельствуют о его несомненном умении ”шармировать”, о его очаровывающей улыбке — не стопроцентный, но довольно сильный факт его ”этичности”.

Кстати, о его усах — несколько лет назад мне попалась на глаза работа одного соционика (не помню его имени) о стереотипах во внешности разных ТИМов. Там упоминались широкораскрытые радостные глаза ИЛЭ; суховатость, тонкость черт лица ЛИИ и частая бородка у мужчин этого типа; и, наконец, свисающие усы у СЭИ " такие же, как носил и Горький.

Дальше — кто-то из соционников типировал Клима Самгина как СЭИ.

Ну и, наконец, сама писательская деятельность Горького заставляет сильно задумываться — а под силу ли творческая работа такого уровня для человека с "интуицией возможностей" в четвертой функции? Те немногочисленные художественные книги (а вот учебники, инструкции и. т.п. — этого как раз много), которые принадлежат людям этого типа, носят довольно сильное стремление к точности и правдивости изложения (разумеется, с точки зрения самого пишущего). Творческой выдумки же там было явно маловато.

Итак, я привела обоснования того, что в случае с типной идентификацией Горького произошла досадная ошибка. Можно попытаться объяснить причины подобной ошибки и того, что она так крепко прижилась, только не хочется. Кому это надо?.. Честно говоря, у меня в жизни есть более важные и интересные вещи, чем ломка чьих-то заблуждений. Ну, может, кому-то они нравятся? Может, они чем-то удобны? Или до́роги? Может, в этом самообмане есть какой-то глубокий внутренний смысл?…

А?...

Литература.

1. М. Горький в воспоминаниях современников. М., Гос. изд-во худ. лит. 1995.
2. Илья Шкапа. Семь лет с Горьким. М., Советский писатель, 1990.
3. Владислав Ходасевич. Воспоминания о Горьком // Библиотека «Огонек», № 44, 1989.